
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

СКУЛШУТИНГ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: «АМЕРИКАНСКАЯ ЭПИДЕМИЯ» В РОССИИ*

Баева Л. В.**

Скулшутинг (массовые нападения в учебных заведениях), ставший из «американской эпидемии» глобальным явлением, с 2014 г. активно продвигается в России через молодежную контркультуру, виртуальные сообщества и социальные медиа. На основе компаративного научного обзора представлены особенности изучения проблемы скулшутинга в США и России, выявлены единые и специфические подходы, позволяющие понять многогранность факторов, влияющих на эти преступления, получившие продвижение во многих странах мира. Распространение культа насилия как модели поведения, героизация и мифологизация образа героя-террориста в медиакультуре, акты совершения скулшутинга рассматриваются как важные источники распространения идеологии скулшутинга в глобальном аспекте. На основе сопоставления кейсов в США и России показаны особенности скулшутинга, выявлены тенденции в его проявлении, раскрыты внешние и внутренние факторы. Представленные выводы о сущности и продвижении скулшутинга в условиях медиакультуры могут быть применимы для работы с молодежной аудиторией и для создания системы безопасного пространства для личности в глобальном и индивидуальном аспектах.

Ключевые слова: скулшутинг, колумбайн, массовые расстрелы в учебных заведениях, медиатизация, безопасность.

SCHOOLSHOOTING AS A GLOBAL PHENOMENON: THE “AMERICAN EPIDEMIC” IN RUSSIA

School shootings (mass attacks in educational institutions) has turned from an “American epidemic” into a global phenomenon. In Russia, since 2014, it has been actively promoted through youth counterculture, virtual communities and social

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23–28–00765, <https://rscf.ru/project/23-28-00765/>.

Для цитирования: Баева Л. В. Скулшутинг как глобальный феномен: «американская эпидемия» в России // Век глобализации. 2024. № 3. С. 142–154. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.13.

For citation: Bayeva L. V. Schoolshooting as a Global Phenomenon: The “American Epidemic” in Russia // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2024. No. 3. Pp. 142–154. DOI: 10.30884/vglob/2024.03.13 (in Russian).

** Баева Людмила Владимировна – д. ф. н., профессор Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева. E-mail: baevaludmila@mail.ru.

Lyudmila V. Bayeva – Dr. Phil., Professor at Tatishchev Astrakhan State University. E-mail: baevaludmila@mail.ru.

media. The characteristics of the study of the problem of school shootings in the United States and Russia are presented on the basis of a comparative scientific review; unified and specific approaches are identified, which allow understanding of the multifaceted nature of the factors influencing these crimes that have manifested themselves in many countries of the world. The characteristics and signs of school shootings are identified on the basis of a comparison of cases of school shootings in the USA and Russian cities; trends in their manifestation in recent years, external and internal factors of school shootings are revealed. The spread of the cult of violence as a model of behaviour, the heroisation and mythologisation of the image of the terrorist hero in media culture, and the acts of school shootings are considered as important sources of the spread of the school shootings ideology from a global perspective. The conclusions presented about the essence and promotion of school shootings in media culture can be applied to work with youth audiences and to create a system of safe spaces for individuals in global and individual aspects.

Keywords: school shooting, Columbine, mass shootings in educational institutions, mediatization, security.

Введение

Проблема роста насилия и агрессии в современном обществе становится все более сложной по мере развития медиакультуры, тиражирующей и масштабирующей те или иные явления, в особенности привлекающие всеобщее внимание. Одним из феноменов, ставших объектом подобного тиражирования и вирусного подражания, стал скулшутинг, или колумбайн – вид массовых убийств (расстрелов) в учебных заведениях (в ряде случаев с последующими суицидами), совершенных школьниками или выпускниками. Эти преступления, имея корни в США, по мере продвижения молодежной контркультуры и медиатизации глобального мира проникли в различные страны и континенты. Свое проявление этот вид преступлений получил и в России, хотя по их количеству США по-прежнему остаются далеко опережающими другие государства в этом трагическом рейтинге. Изучение данного феномена ведется с различных оснований, как криминальных, так и социальных, психологических, культурологических, коммуникационных и др. В то же время недостаточно внимания уделяется компаративным исследованиям, позволяющим сравнить проявления и факторы, формирующие его в тех или иных странах. Важную роль для компаративных исследований школьных расстрелов играет создание информационных ресурсов, аккумулирующих информацию об этих преступлениях. Такой ресурс «School Shooters.info», созданный психологом П. Лангманом, с базой данных о более 150 эпизодах в США и различных других странах, был создан в Соединенных Штатах, где проблема школьных расстрелов стала своего рода национальной «американской эпидемией»¹. Следует отметить, что работы самого П. Лангмана являются чрезвычайно важными для понимания психологии поступков и портретов стрелков, имеющих сходные черты даже при отсутствии явных корреляций по социальным признакам [Лангман 2022]. Другой информационный американский портал «Sandy Hook Promise» был создан в шко-

¹ URL: <https://schoolshooters.info/>.

ле, где в 2012 г. был совершен один из наиболее жестоких и массовых расстрелов учащихся начальных классов². Информационная база о подобных преступлениях, совершенных в России, формируется отечественными исследователями под руководством социологов А. Ю. Карповой и Н. Г. Максимовой из Томского политехнического университета [Максимова 2022]. В ней содержатся описание и анализ 35 эпизодов подобных преступлений, совершенных в период с 2012 г.

Целью нашего исследования является компаративное изучение кейсов и сравнение подходов к изучению и пониманию природы школьных расстрелов в США и в России. Это позволит установить не только общие черты, но формы продвижения «американской эпидемии» на российской почве.

Прежде всего напомним, что вооруженные нападения в учебных заведениях впервые появились в США в начале XX в., однако их «популяризация» и широкое медиасопровождение усилились с 1999 г. и были связаны с трагедией в американской школе «Колумбайн» штата Колорадо в 1999 г., где двумя подростками, учениками Э. Харрисом и Д. Клиболдом, были убиты 13 человек и ранены еще 24. После неудавшегося минирования столовой Харрис и Клиболд расстреляли школьников и учителей, а затем покончили с собой в помещении школьной библиотеки. Это преступление стало источником для многих последующих подражаний, терактов-копий, совершенных подростками в США, а затем и в других странах. Уже через восемь дней, 28 апреля 1999 г., произошел первый случай подражания «Колумбайну». Спустя ровно месяц «в память о “Колумбайне”» 15-летний подросток устроил стрельбу в своей школе Heritage High School, где ранил шесть человек. Волна расстрелов в учебных заведениях США насчитывает более 100 преступлений за последние 20 лет. После широкого освещения в СМИ 17 массовых убийств в стиле «Колумбайна» были совершены в Мексике, семь – в Бразилии, шесть – в Австралии, три – в Финляндии, а также в Эстонии, Франции, Польше, Чехии (декабрь 2023 г.). В России с 2012 по 2023 г. совершено 35 нападений в учебных заведениях, участниками которых выступили школьники или выпускники учебных заведений, в том числе подражавшие действиям «колумбайнеров» из США.

Исследования нападений в школах в США и в России

Исследование скулшутинга как одной из форм экстремизма и молодежного радикализма, приобретающего глобальный характер, стало объектом пристального изучения в различных науках и ведется по направлениям, которые являются едиными как в США, так и в России, где ведется анализ причин, факторов и триггеров скулшутинга; каналов распространения информации о скулшутинге; «групп риска»; субкультуры скулшутеров и «колумбайнеров» (запрещенной в РФ как террористической организации); медиакультуры, посвященной скулшутингу; влияния компьютерных игр на подростков и их связь со скулшутингом; влияния воздействия психотропных веществ на поступки нападавших; воздействия виртуальных сообществ на рост интереса к скулшутингу и продвижение его идей; ведется разработка профилактических рекомендаций для предотвращения скулшутинга, обучение граждан реагированию на информацию об угрозах нападений

² URL: <https://www.sandyhookpromise.org/>.

и защите в условиях акта скулшутинга, исследование последствий скулшутинга (влияние на подростков, переживших школьные расстрелы) и работа с пострадавшими.

Исследования скулшутинга при этом связаны с разнообразными подходами, среди которых доминируют психологический, социологический, криминологический, информационный или медиакультурный.

Американские исследования скулшутинга активно ведутся с 2000 г., после атаки в «Колумбайне». В России анализ проблемы начинается с 2015 г. и усиливается в 2018 г. после ряда преступлений-копий. Исследования в США достаточно многоплановые, они захватывают проблемы, связанные как с нападавшими, так и с пострадавшими от скулшутинга. В понимании причин скулшутинга наиболее широко представлен психологический подход, представленный в исследованиях американских и российских ученых. Так, П. Лангман классифицировал психопатические, психотические и травмированные типы скулшутеров, в том числе с перенесенными ранее травмами или обидами (подвергавшихся физическому, эмоциональному, а иногда и сексуальному насилию), имеющих симптомы шизофрении или шизотипического расстройства личности, серьезные социальные и эмоциональные нарушения [Лангман 2022]. В России социально-психологические аспекты скулшутинга исследуются, например, в работах Е. А. Пастыки и М. Е. Питановой, изучающих факторы вовлеченности подростков в деструктивные группы. К ним относят прежде всего особенности личности, среди которых маргинальность, «затяжной» патологический подростковый негативизм, возбудимость, импульсивность, пониженный (повышенный) интеллект, эгоцентрическая фиксация, несформированность коммуникативных навыков, эмоционально-волевые нарушения, нарушение идентичности, поляризация самооценки, когнитивные искажения, чувство одиночества [Пастыка, Питанова 2020]. В. О. Карпов на основе обобщения российских эпизодов школьной стрельбы дает характеристику этому типу преступлений и составляет обобщенный психологический портрет нападавших (которым свойственны замкнутость, мизантропия, социопатия, а также психологические дисфункции, комплекс неполноценности, фрустрированность, чувство неценности и ненужности) [Карпов 2018].

В США можно отметить акцентирование внимания на изучении биологических, физиологических, возрастных, когнитивных источников деструктивного и насильственного поведения подростков. Например, А. Рейн обосновывает, что индивиды с низкой частотой сердечных сокращений в состоянии покоя неизменно демонстрируют более высокий уровень насильственного и антисоциального поведения, что характерно для ряда подростков в силу особенностей физиологии [Raine 2002]. Л. Стейнберг показал, что большая склонность подростков к риску связана с возрастными различиями в психосоциальных факторах, влияющих на саморегуляцию (что резко возрастает в период полового созревания) [Steinberg 2004]. Биологические аспекты поведения высокого риска у подростков исследованы Дж. Бьерком и Д. Пардини, которые отмечали, что серьезное рискованное поведение в подростковом возрасте может быть результатом проблематичных индивидуальных различий в функционировании противоположных процессов между мотивационными и тормозными цепями мозга, характерными для подросткового возраста [Bjork, Pardini 2015].

Как американские, так и российские исследователи отмечают, что источниками высокой агрессии подростков выступают психологические причины (фрустрация, темперамент, неспособность к эмпатии, эмоциональная нестабильность, недовольство собой, повышенная раздражительность, чувство вины), которые могут дополняться социальными факторами (групповые конфликты, недостаточное внимание в семье, насилие или травля) и биологическими причинами (содержание тестостерона, реактивность симпатической нервной системы, родовая травма, особенности гормонального фона, травмы и заболевания мозга, психические заболевания и др.) [Фомиченко 2010].

Другой особой темой, широко обсуждаемой в американских исследованиях, является изучение связи скулшутинга и травли (буллинга). Проблема травли – унижений, оскорблений и насилия в школах – является широко исследуемой сегодня во всем мире, и ее связь с расстрелами в школах прослеживается достаточно явно. Т. Фармер отмечает, что виктимизация поведения подростков связывается с социальным расслоением в школе (большая часть нападавших – из малообеспеченных семей), с унижениями со стороны сверстников, коммуникативными дисфункциями, неспособностью уладить социальные конфликты [Farmer *et al.* 2007]. Эксперты отмечают, что подростки, которым не хватает способности улаживать конфликты со сверстниками, или глубоко переживающие полученные в результате буллинга травмы, могут быть подвержены большему риску. В то же время многие эпизоды скулшутинга показывают, что они не были инициированы предшествующей травлей нападавших. В исследовании Д. Мерса и его коллег отмечается, что было бы упрощением сводить все причины школьной стрельбы к возмездию за травлю, однако этот фактор может проявиться в сочетании с другими сошедшимися в одну ситуацию негативными причинами и стать своеобразным триггером [Mears *et al.* 2017].

Важно отметить и ряд исследований, обращенных к мотивации скулшутинга как рационально продуманного преступления. Так, Дж. Левин и Э. Мэдфис пришли к выводу, что если у школьных стрелков не имели места психические расстройств, то массовое убийство является примером рационального асоциального и аморального поведения на основе планирования своего поступка. Левин и Мэдфис отмечали, что действия стрелков представляют собой решение проблемы ущемленного чувства их собственного достоинства, а также выступают средством привлечения внимания к себе окружающих, способ заявить о своей мужественности, поскольку многие молодые мужчины считают, что стрельба позволит им вернуть утраченные чувства власти, гордости и внимания [Levin, Madfis 2009].

Экзистенциальные факторы скулшутинга исследуются через анализ смысловой направленности этого вида агрессивного бунта против Других и социума в целом, которые отрицаются, не признаются как ценность по тем или иным причинам на фоне возвеличения значимости собственной личности. Этот подход представлен в работах Н. Д. Узлова и М. Н. Семеновской [2017], а также Б. Пфайфер [Pfeifer, Ganzevoort 2014]. С точки зрения этого подхода, который мы также развиваем в своих работах, скулшутинг – это особый тип экзистенциальных преступлений, направленных не против отдельных личностей, а против представитель определенной «системы» (школы / колледжа / вуза), существование которых у нападающих вызывает ненависть, гнев на различной почве (от личных обид

до презрения), приобретая всепоглощающий характер на фоне неспособности наполнения собственной жизни позитивными смыслами и ценностью. Самоубийство, совершаемое в актах скулшутинга, в свою очередь может рассматриваться как экзистенциальное «бегство» от бессмысленного, абсурдного существования, отчаяния, от осознания собственной слабости, ничтожности на фоне притязаний на величие, успешность или власть.

Особое внимание при изучении расстрелов в школах исследователи уделяют росту оборота оружия, вопросам его доступности для подростков и детей [Мосечкин 2019]. В США, где в ряде штатов продажа оружия является легальной, эта тема звучит особенно остро, вызывая публичные дискуссии об отмене подобных прав. При этом следует отметить, что в некоторых штатах США для предотвращения вооруженных нападений в школах приняты законы, разрешающие учителям носить оружие и применять его [Mooney *et al.* 2022]. Важным фактором продвижения идей скулшутинга является негативное информационное воздействие, запускающее эффект подражания и формирования на этом фоне деструктивной молодежной субкультуры, выходящей за пределы США во многие страны [Сапрыкин 2019; Краснова, Марков 2018 и др.].

В исследовании феномена школьных нападений в США и России во многом проявляются сходные подходы: изучение внутренних факторов и источников ведется от возрастных, физиологических и психологических особенностей до смысловых, экзистенциальных, в оценке внешних источников исследования фиксируются факторы социальных конфликтов, травли, негативного информационного воздействия. При этом исследователи сходятся в необходимости комплексной оценки факторов, в том, что не существует единого механизма действий нападавших и единого профиля для стрелка, а также в необходимости прогнозирования преступлений с учетом «предупредительных знаков», оставляемых накануне преступлений.

Кейсы скулшутинга в США и России

Для изучения проявлений скулшутинга в США и в России нами были отображены 10 наиболее характерных и резонансных кейсов, систематизация которых позволяет увидеть общие черты и фон, на котором было совершено каждое из преступлений.

Таблица 1

Кейсы скулшутинга в США

Стрелок, возраст	Год, место	Оружие	Число убитых/раненых	Спецификация
1. Э. Рамси, 16 лет	1997, Бетел, Аляска	Ружье-дробовик	2/2	Отец имел срок за насилие, мать – алкоголичка, брат осужден; расстался с девушкой накануне; травля в школе (где его называли «дебил» за слабые умственные способности); увлечения: фанат игры DOOM. Попытка суицида после нападения
2. М. Карнил, 14 лет	1997, Вест-Падака, Кентукки	Пистолет, 2 винтовки, 2 дробовика	3/5	Конфликты в семье; травля в школе; диагноз: параноидальная шизофрения; оружие украл у родителей; увлечения: роман С. Кинга «Ярость». Расстрелял молящихся учеников на службе, после просил его убить

Окончание Табл. 1

Стрелок, возраст	Год, место	Оружие	Число убитых/раненых	Спецификация
3. Э. Голден, 11 лет и М. Джонсон, 13 лет	1998, Джонсборо, Арканзас	Фургон с боеприпасами, 9 единиц оружия	4/9	Из благополучных семей; оружие украдено у родителей; Голден находился под влиянием секты сатанистов; отличался садизмом, убивал животных. Джонсон увлекался оружием. Нападавшие включили пожарную тревогу и открыли огонь по выходящим из здания
4. К. Кинкл, 15 лет	1998, Спрингфилд, Орегон	Пистолет, винтовки	4/25	Благополучная семья; подросток имел отставание в развитии, склонность к агрессии, диагноз: паранойя; проблемы с законом; был исключен из школы. Накануне убил родителей, узнав, что переводится в интернат. Попытка суицида
5. Э. Харрис, 18 лет, Д. Клиболд, 17 лет	1999, Джефферсон, Колорадо, школа «Колумбайн»	Винтовки, ружья, бомбы	12/23	Благополучные семьи; Харрис был склонен к агрессии, лидерству; Клиболд имел ощущение неполноценности, отверженности, при этом в дневнике сравнивал себя с Богом; увлечения: фанаты игры DOOM. Многоступенчатая подготовка, детальный план и стиль (в том числе внешние атрибуты); предупреждения о нападении. В итоге совершили суицид
6. Д. Уиз, 16 лет	2005, Ред-Лейк, Миннесота	Пистолет, дробовик	9/5	Побои от родителей, отец застрелился; травля в школе; диагноз – депрессия; восхищался Гитлером (называл себя «индейским нацистом»), был переведен на домашнее обучение, так как угрожал ученикам. Подразжал Харрису и Клиболду. Совершил суицид
7. Ч. Сын Хи, 23 года	2007, Блэксберг, Вирджиния, Политехнический университет		32/17	Социальная отчужденность, эмоциональная бесчувственность, одиночка, не разговаривал в университете, считался «странным», «немым». В своем «манифесте» сравнивал себя с Богом (подобно Клиболду). Совершил суицид
8. А. П. Лэнза, 20 лет	2012, Сэнди-Хук, Коннектикут, начальная школа	Винтовки, пистолеты	26/2	Увлекался стрельбой, учился с отличием, страдал аутизмом, имел трудности с социальным развитием. Убил мать, затем в школе убил 20 детей 6–7 лет и 6 педагогов. Совершил суицид
9. Н. Круз, 24 года	2018, Паркленд, Флорида, старшая школа	Винтовка	17/15	Родители умерли. Увлекался оружием; публиковал угрозы в Сети; проблемы с управлением гневом, слышал «голос»; посылал предупреждения о нападении
10. С. Рамос, 18 лет	2022, Увалда, Техас, начальная школа	Пистолет, винтовка	21/19	Имел дефекты речи; трудности с учебной; издевательства в школе; публиковал видео, где мучил и убивал животных. Убил бабушку, после в школе расстрелял 21 ребенка и ранил 19

Анализ кейсов скулшутинга в США (табл. 1) указывает следующее:

1. Возраст совершивших акты массовых преступлений в учебных заведениях растет.
2. Увеличивается количество погибших и пострадавших, в том числе членов семьи.
3. Преступления совершались, как правило, в небольших городах и поселениях.
4. К стрелкам-учащимся добавились стрелки – выпускники школ.
5. Среди стрелков выделяются два основных типа: 1) изначально склонные к агрессии, садизму и насилию; 2) изначально слабые, неуверенные, подавленные,

одинокое. Полярные характеристики, несмотря на различия, сходятся в потребности самоутверждения, которое получают через разрушение (уничтожение) окружающих и самих себя.

6. Практически во всех случаях накануне преступлений имели место предупреждающие знаки (угрозы, предупреждения).

7. Наличие социальных конфликтов (в семье или учебном заведении) и неспособность их разрешения.

8. Ненависть к окружающим как основной мотив нападения.

9. Стремление к суициду как разрешению своих проблем.

Теперь обратимся к эпизодам скулшутинга в России, где подобные преступления начались с 2014 г. и во многом носили подражательный, сценарный и, так же, как в США, демонстративный характер.

Таблица 2

Кейсы скулшутинга в России

Стрелок, возраст	Год, место	Оружие	Число убитых/раненых	Спецификация
1. С. Гордеев, 16 лет	2014, Москва	Винтовка, карабин	2/1	Благополучная семья; отец, сотрудник силовых служб, приучал к стрельбе в тире; отличник в школе; убеждения: солипсизм, бессмысленность жизни; предупреждал о нападении в СМС, предсмертное стихотворение об усталости от жизни и страха
2. М. Пивнев, 15 лет	2017, Ивантеевка, Московская область	Топор, ружье, взрыв-пакеты	2/1	Спокойный, без признаков агрессии. Имел друзей, подружку. По собственным словам, его травил одноклассники, учитель информатики придиралась к одежде и поведению. Предупредил о нападении свою подружку накануне и сестру, которая была в школе
3. А. Бичивин, 15 лет	2018, Улан-Удэ	Топор, бутылки с зажигательной смесью	0/7, отрубил детям пальцы	Из семьи военного. Проявлял интерес к субкультуре АУЕ; увлеченность видеоиграми (запись в дневнике: «Хочу бойню, как в Doom и Painkiller»). Подражание Харрису и Клиболду. Попытка суицида
4. Ученица 7-го класса, 13 лет	2018, Шадринск Курганской обл.	Пневматическое оружие (отца)	0/7	Конфликты с одноклассниками. Действовала с помощницами, которые во время стрельбы держали дверь, чтобы одноклассники не убежали
5. Д. Засорин, 19 лет	2019, Благовещенск	Ружье	1/3	Незаметный, спокойный, увлекался видеоиграми; имел склонность к суициду; накануне имел конфликт в колледже. Пришел пьяный на занятия, демонстративно курил в коридоре, после замечаний ушел за оружием. Совершил суицид
6. В. Росляков, 18 лет	2018, Керчь	Ружье, взрывное устройство	21/7	В колледже учился успешно, не проявлял агрессии. Получил лицензию на оружие в 18 лет, приобрел ружье. Подвергался травле из-за низкого достатка семьи. Увлекался боксом и фильмами о насилии, компьютерными играми и оружием. Подражал Харрису и Клиболду в одежде и по сценарию, после расстрела покончил с собой
7. Т. Бекмансуров, 18 лет	2021, Пермь	Помповое ружье	6/47	Тихий, незаметный, имел склонность к суициду. Использовал психоделики. Детальный план, в Сети проявлял интерес к делу «Колумбайн»; увлечение оружием. Состоял на учете у психиатра. Предупреждал о нападении накануне

Окончание Табл. 2

Стрелок, возраст	Год, место	Оружие	Число убитых/раненых	Спецификация
8. И. Гальявиев, 18 лет	2021, Казань	Ружье, самодельное взрывное устройство	9/32	Конфликтовал в семье, бросил колледж. В соцсети был увлечен делом «Колумбайна» и оружием. Называл себя Богом, оставил предупреждение о нападении
9. А. Казанцев, 34 года	2022, Ижевск	Пистолеты	18/23	Одиночка, склонный к агрессии, нападал ранее. На учете в психиатрии, диагноз: шизофрения. Увлечение: компьютерные игры. Готовился в течение года. Рассылал по школам анонимные письма с угрозами. На пистолетах были нанесены надписи «Columbine» и «Eric Dylan». На одежде – свастика. На обложке: «Ненависть» (как у Клиболда). Суицид
10. Алина А., 14 лет	2023, Брянск	Дробовик	1/4	Не имела психических расстройств, хорошо училась, имела сестру-близнеца, росла в полной семье. Украла оружие отца и принесла в школу для наказания одноклассников за нанесенные ей обиды. Совершила суицид после расстрела

Анализ эпизодов скулшутинга в России показывает (табл. 2), что подражание расстрелу в школе «Колумбайн» имело место в большинстве перечисленных нападений: в Ивантеевке, Улан-Удэ, Стерлитамаке, Керчи, Перми, Казани и Ижевске. Нападения по большей части имеют сходные черты: преступления осуществлялись в своем учебном заведении; предшествующая тщательная подготовка, продуманность плана; предупредительные сигналы (сообщения, посты) накануне преступлений; организованность действий по определенному сценарию (в основном копирование расстрела в школе «Колумбайн»); общий мотив можно объединить словом «ненависть»; направленность преступлений не на конкретных личностей, а на всех представителей учебного заведения; применение оружия (как холодного, так и огнестрельного), в ряде случаев взрывчатых устройств; наличие внешних атрибутов, показывающих связь с «колумбайнерами» (одежда, надписи); в ряде случаев совершенные суициды или попытки к этому.

Наблюдаемой тенденцией скулшутинга в России с 2014 до 2023 г. стал переход от холодного оружия к огнестрельному, повлекший и рост числа убитых и пострадавших, что свидетельствует о более тщательной подготовке, наличии доступа к огнестрельному оружию, а также о том, что преступления совершили более взрослые люди. Преступления 2021–2022 гг. были совершены выпускниками школ, что является новой тенденцией, еще менее контролируемой для педагогов и сотрудников учебных учреждений. Что касается характеристик личности нападавших, то здесь имеется ряд аналогий. В основном они касаются возраста (17–19 лет), хотя имеются и исключения (Шадринск – 13 лет, Брянск – 14 лет, Ижевск – 34 года). Также отмечается общий для всех мотив «ненависть», связанный либо с травлей, либо с конфликтами с педагогами. В то же время нет общих черт в отношении успеваемости (среди нападавших были успевающие и неуспевающие), наличия психических отклонений (хотя в ряде случаев это имело место: Ивантеевка, Пермь, Стерлитамак, Казань, Ижевск). Ряд нападавших имели замкнутый характер, отличались импульсивностью и агрессивностью, но были и такие, кто производил впечатление благополучных, спокойных подростков, ничем

не выделявшихся по сравнению с другими. Практически все подростки были увлечены компьютерными играми, однако этот критерий является настолько широко распространенным, что как единственный он не мог бы стать мотивирующим фактором. Для всех стрелков большую роль играла демонстративность их поступка, стремление привлечь к себе максимальное внимание, которое во многом отсутствовало в их повседневной жизни. При этом многие из нападавших только хотели казаться бесстрашными героями, хотя испытывали комплексы неполноценности, неуверенность, последствия морального или физического насилия над ними со стороны окружения. Некоторые из «колумбайнеров», по описанию их окружения, подвергались травле со стороны одноклассников, учителей, улицы, родителей, другие сами отличались повышенной жестокостью, отсутствием эмпатии и даже садизмом.

Проведение компаративного анализа кейсов двух стран показывает общие черты, позволяющие сделать вывод о сходстве самих явлений либо о процессе подражания: демонстративный сценарий преступления; субъект-объектные параметры (учащийся либо выпускник против всех случайно попавших под расправу); во многих случаях наличие психических и поведенческих отклонений у нападавших: от высокой агрессии до асоциальности и эскапизма; предупредительные сигналы о подготовке преступлений; сочетание нападений с суицидом; связь с проявлением травли или острых конфликтов с окружением; длительный подготовительный характер преступлений, нередко с фиксацией плана в дневниках, что свидетельствует о продуманности действий нападавшего, захваченности ненавистью к окружающим, чувстве превосходства и др.

Информационные факторы скулшутинга

Преступления-копии, совершенные во многом как подражание расстрелу в школе «Колумбайн», связаны с разнообразными внешними факторами, среди которых в особенной степени важны информационный масс-медийный эффект; широкое освещение преступлений в СМИ и Интернете с привлечением повышенного внимания и «героизации» нападавшего; популярность в массовой медиакультуре и социальных медиа агрессивного контента; направленное использование манипулятивных психотехник для вовлечения подростков в радикальные сообщества, где продаются наркотики, оружие и др.; вирусный эффект суицидов и высокорезонансных преступлений. Внешнее негативное воздействие в особенной степени проявляется в «группах риска», когда их дополняют внутренние противоречия и особенности личности молодых людей (психические и социальные девиации, неспособность управлять гневом, отсутствие у части подростков моральных регуляторов поведения, позитивных смысложизненных ориентиров и ценностей в реальной жизни; желание самоутверждения через деструктивную активность). Подражательность играет значительную роль в поведении детей и подростков, в особенной степени если поступки приобретают высокую известность. Тема скулшутинга в каждом из эпизодов неизменно привлекала высокое внимание в новостях, в социальных медиа, что находило отклик в подростковой аудитории, зависимой от сетевого одобрения и интереса. Из расстрела в Колумбайн, отчасти благодаря новостной волне, сформировался культ этого типа преступлений. Сразу после теракта сетевые новостные шоу транслировали это событие более чем в 40 сегмен-

тах, каналы CNN и Fox News получили исторически высокие рейтинги по освещению скулшутинга, газета «The Times» упоминала про события в «Колумбайн» на первых страницах почти две недели подряд. Журнал «Time» в мае 1999 г. представил изображения Харриса и Клиболда на обложке одного из своих выпусков. К освещению резонансного преступления затем подключилась массовая культура: о похожих событиях были сняты художественные фильмы («Слон», «Нулевой день», «Класс»), написаны научные, популярные и художественные книги [Grynbaum, Koblin 2021]; сформировался стиль одежды и началась продажа характерных атрибутов, что свидетельствует об использовании этой темы в коммерческих целях и о превращении скулшутинга в определенный модный тренд и субкультуру.

Начиная с 2017 г. подражание «колумбайнерам» (объявлено террористической организацией в РФ в 2018 г.) стало активно продвигаться в России в виртуальных сообществах через социальные сети, где размещались фото и видео из дела «Колумбайн», действия Харриса и Клиболда романтизировались и героизировались, они представлялись как подростки, замученные окружением и бросившие вызов обществу. При этом в социальных медиа продвигались сообщества с фокусировкой на темах насилия, серийных убийств, нацизма и фашизма. Как показывает анализ стрельбы в российских школах, большинство из нападавших были увлечены подобной тематикой, о чем свидетельствовали их интернет-страницы. При проявлении интереса к просмотру сцен с насилием, по мнению психологов, срабатывает ряд эффектов. Контент с деструктивным и агрессивным содержанием, как и новости о суициде, не только привлекают максимум внимания, но и формируют цепную реакцию (эффект Вертера), запускают ассоциативный ряд, способный повлиять на человека в кризисной ситуации и «группе риска». Так, в столице Чехии в декабре 2023 г. в Карловом университете было совершено нападение с огнестрельным оружием, в ходе которого были убиты пять человек. Преступник покончил с собой, отметив накануне в своих записях, что его «вдохновила» ученица из брянской школы, а после нападения в течение месяца было возбуждено 88 уголовных дел на новых подражателей или открыто одобрявших его поступок [Полиция... 2024]. Это свидетельствует о скачкообразном подъеме внимания к совершенным нападениям в учебных заведениях и факторе вирусного подражания. Можно заключить, что скулшутинг из национальной американской проблемы в результате медиатизации, глобализации молодежной культуры стал глобальным феноменом как одно из проявлений терроризма и экстремизма.

Скулшутинг – это своего рода вид демонстративных преступлений, разжигаемых с каждым новым эпизодом интересом в СМИ, социальных медиа. Феномен расстрелов в школах во многом связан со стремлением привлечь внимание к собственному «я», реализовать себя в наиболее радикальной форме, «войти в историю» как палач, серийный убийца, противопоставляющий себя окружающим, обществу в целом и моральным нормам. В этом отношении мы рассматриваем скулшутинг как особый тип экзистенциального преступления, связанного с неспособностью конструирования позитивных смысложизненных и ценностных

установок на фоне стремления к возвеличению своей индивидуальности и значимости.

При изучении мотивов не стоит недооценивать рациональный источник скулшутинга, смещая все причины к проявлениям социального давления и психических отклонений нападавших. Во многих случаях скулшутинг выступал итогом продуманных действий, совершенных на идейной почве, имеющих экзистенциальный характер, будучи направленным на поиск свободы, манифестации собственного «я», протеста против объективации. В этом отношении противодействие скулшутингу должно строиться на системе принципов общей экзистенциальной безопасности личности от внешнего насилия, травли, с одной стороны, и от негативного информационного воздействия – с другой. Подчеркнем, что скулшутинг как социальный феномен приобрел трансграничный характер, будучи проявлением деструктивной идеологии и молодежного радикализма, обусловленных высоким вниманием к ним в медиасреде и модой на западную культуру, где насилие является своеобразной нормой.

Литература

Карпов О. В. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического ин-та МВД России. 2018. № 4(34). С. 442–446.

Краснова Г. В., Марков А. А. Интернет как актуальная угроза информационной безопасности личности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2(110). С. 102–108.

Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М. : Эксмо, 2022.

Максимова Н. Г. Базы данных как эффективный инструмент анализа и предупреждения инцидентов скулшутинга // Наука. Культура. Общество. 2022. № 4. С. 44–55.

Мосечкин И. Н. Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (school shooting) // Виктимология. 2019. № 1(19). С. 46–53.

Пастыка Е. А., Питанова М. Е. Проблема вооруженных нападений подростков в образовательных учреждениях // Вестник Пензенского гос. ун-та. 2020. № 3(31). С. 21–25.

Полиция Чехии завела 88 уголовных дел, связанных с одобрением стрельбы в Праге. ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19688289> (дата обращения: 12.01.2024).

Сапрыкин В. А. Деструктивное поведение молодежи в условиях информационной войны: колумбайн-вызовы и меры преодоления // Теория и практика общественного развития. 2019. № 1(131). С. 18–21.

Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. № 3(28). С. 40–53.

Фомиченко А. С. Причины проявления агрессии в детском возрасте // Культурно-историческая психология. 2010. № 2(6). С. 83–87.

Bjork J. M., Pardini D. A. Who are Those “Risk-Taking Adolescents”? Individual Differences in Developmental Neuroimaging Research // *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2015. Vol. 11. Pp. 56–64.

Farmer T. W., Farmer E. M., Estell D. B., Hutchins B. C. The Developmental Dynamics of Aggression and the Prevention of School Violence // *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*. 2007. Vol. 15(4). Pp. 197–208.

Grynbaum M. M., Koblin J. What the Media Has Learned since Columbine [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] : *New York Times*. March 27. URL: <https://www.nytimes.com/2021/03/27/business/media/shootings-atlanta-boulder-media.html> (дата обращения: 15.05.2024).

Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. Pp. 1227–1245.

Mears D. P., Moon M., Thielo A. J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection // *Victims and Offenders*. 2017. Vol. 12(6). Pp. 939–955.

Mooney T., Luciano L., Sherman J. Texas Laws Allow Teachers to Carry Guns on School Grounds with Little Regulation [Электронный ресурс] : *CBN*. 2022. November 17. URL: <https://www.cbsnews.com/news/texas-teachers-guns-at-school/> (дата обращения: 17.05.2024).

Pfeifer B., Ganzevoort R. R. School Shootings: Existential Concerns and Implicit Religion // *Journal of Religion and Violence*. 2014. Vol. 2(3). Pp. 447–459.

Raine A. *Biological Basis for Crime* // *Crime. Public Policies for Crime Control* / ed. by J. Q. Wilson, J. Petersilia. Oakland, CA : ICS Press, 2002.

Steinberg L. Risk Taking in Adolescence: What Changes, and Why? // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2004. Vol. 1021. Pp. 51–58. DOI: 10.1196/annals.1308.005.